

В ГРИМЕ И БЕЗ

Позавчера на съемках клипа «Ресторан», где по сюжету вы играете посудомойку, вы обронили такую фразу: «Последний раз я этим занималась десять лет назад». Неужели посуду моет муж?

— У нас замечательная посудомоечная машина. Домработница приходит через день, так что если после гостей остался ворох грязных тарелок, выручает техника. Я не люблю мыть, не люблю подметать, не люблю вытирать пыль, потому что пыль попадает на связки, а это опасно. Ни стиркой, ни уборкой я не занимаюсь, я этим назанималась — во как! И таких ногтей у меня не было. А теперь хочу тратить время на творчество и на свою внешность.

— У вашей однофамилицы, поющей поэтессы Вероники Долиной, есть такие строчки: «Дожила до постыдной сивости С идиотской мечтой о красавице, И при виде блондинки на длинных ногах Всею кожей чувствую: ах!» Вы подписались бы под ними?

— Нет, никогда не завидовала никому. У меня своя ниша, куча поклонников. А длинные ноги — не самое главное, хотя многие мужчины предпочитают видеть только внешнее. Мужчины не любят умных женщин. Умных, сильных. С ними очень тяжело, и они от таких отскакивают.

— Вы считаете себя именно такой — умной и сильной?

— Ну, неглупой, во всяком случае. Не буду себя расхваливать.

— Судя по ярким обоям, мы беседуем в детской?

— Да, это комната моей дочери.

— Она, я знаю из газет, сейчас учится в Англии. Не уверен, есть ли там рекламный призыв «Позвоните родителям», но дочь часто звонит вам?

— Ой, мы ее даже ругаем иногда. У нас договоренность, что мы звоним ей раз в неделю...

— Раз в неделю?! Почему так строго?

— А потому, что у нее очень насыщенный график, и в комнате, где стоит телефон, — Ангелина живет в пансионе — она бывает только перед сном. Занятия спортом, музыкой, учеба отнимают столько времени, что у нее нет даже времени туда заскочить. И по понедельникам мы созваниваемся. Обычно звоним мы, оттуда это дороже стоит... Она очень скучает и шлет нам очень теплые письма. Пишет почти каждый день. Хотя она в таком возрасте, когда стесняются показать свои чувства, сознаться, что скучают по родителям, но в ней есть доброта и сердечность — все то, что я так хотела видеть.

— А сколько ей лет?

— В мае исполнится тринадцать...

— Вы начали взрослеть в этом возрасте?

— Пожалуй, раньше я почувствовала себя самостоятельным человеком, хотя и была под родительской рукой. Я уже тогда пела, у меня даже имелся свой ансамбль. И жизнь была совсем непростой, заставляла быть самостоятельной. Родители с утра и до поздней ночи работали, я училась все делать сама. Однако окончательно взрослой я почувствовала себя ближе к двадцати, когда начала получать первые камни по голове. А из дома я уехала в шестнадцать лет, стала артисткой.

— Какую вы представляете себе Ларису Долину лет в шестьдесят?

— Наверное, она еще будет петь. Не так активно, может быть, дома.

Будет дочерью заниматься, внуками. Думаю, мне недолго ждать. Девушка у нас растет такая, что рано выйдет замуж.

— А если за англичанина?

— Ради Бога, лишь бы любил ее и носил на руках. Чтoб жила, не зная нужды.

— Я читал, что бывали дни, когда вы ложились спать голодной?

— Да, лет двадцать назад. Но до-

Дочки-матери

С популярной певицей Ларисой Долиной я решил поговорить на темы, далекие от шоу-бизнеса. О том, на чем, по мнению немцев, основана жизнь каждой женщины: кухне, киндере, кирхе. Или должна быть основана.

чери своей я таких испытаний не хочу. Для нее уже испытание, что она живет вне дома. Причем с самого раннего возраста. Она родилась в Москве, потом мы жили в жутких условиях в Ленинграде, в однокомнатной квартире, впятером с родителями мужа. Я при этом работала, ездила не переставая. Когда случился развод с первым мужем, я перевезла дочку в Одессу, она жила без меня. А теперь вот в Англии.

— Как вы пришли к Богу?

— Это было начало восьмидесятых годов. Альфред Гарриевич Шнитке предложил мне спеть арию Призрака Мефистофеля в его кантате «История доктора Фауста». Сама тема, вы понимаете, да? И я долго думала. К тому же такой композитор — мне, тогда еще никому неизвестной певице... Ведь я никакого отношения к классической музыке не имела, необразована, у меня нет ни высшего, ни среднего музыкального образования. Закончила лишь музыкальную школу, и только что Бог дал — голос, дыхание.

Когда я приступила к работе над ролью, было крайне тяжело. Певческий диапазон — три октавы, материал сложнейший. Ничего не давалось, насколько у меня хорошая музыкальная память, настолько было трудно запомнить — очень неординарная музыка. Но кроме того, что требовалось выучить все от корки до корки, надо было сыграть. Призрак Мефистофеля! Альфред Гарриевич предложил мне найти такой костюм, чтобы меня пугали. И я хорошо вышла из положения — жуткое черное платье с одним рукавом, какие-то перья в голову вставила, накрашила черным глаза. И пошла в зал! Премьера была в Ленинградской капелле. После спектакля меня трясло как в лихорадке, пока не пришел сам Шнитке, и его слова меня отрезвили и вернули на место.

— Что же он сказал?

— «Лариса, эту партию исполняли выдающиеся певцы мира, но вы — лучшая из них». А я подумала: надо пойти окреститься. И буквально на следующий день была в храме.

— Вы часто приходите на исповедь?

— Не ходила ни разу. Я не считаю себя такой уж грешницей адовой, но исповедаться надо. И наверное, я скоро пойду. Я регулярно посещаю храм и всегда прошу прощения у Господа. Если намечается какое-то важное событие в моей жизни, я обязательно иду в храм. А когда это событие происходит и результат положительный, я совершенно точно знаю, что я под Богом ходила, что он простил мне какие-то маленькие грешки, которые имеются у любого нормального человека. Тем более, у артиста.

— У вас есть постоянный священник?

— Есть. Отец Паисий. Единственный человек в мире, которому я могла бы рассказать все. Он служит недалеко от нас, на Люсиновской улице. Отец Паисий освятил квартиру перед тем, как мы сюда въезжали, и нашу машину. Он окрестил в прошлом году мою маму. Недавно, на святки, отец Паисий приехал к нам со своим помощником, был красивый ритуал — они пели святочные песни. Подарили вот эту икону и крест, который висит у меня над изголовьем... Этот священник стал нашей семье родным человеком, и когда какие-то неприятности, я звоню ему или прихожу в храм.

— Лариса, а скажите, пожалуйста, есть ли люди, которым вы бы, человек терпимый и верующий, с удовольствием дали под зад?

— Ой, есть! Журналистам. Какие среди них попадают люди, ужас просто... Далеко ходить не надо, не далее как вчера... меня очень долго уговаривали присутствовать на вручении журналистских премий «Знак качества». Вы в курсе, да?

— Мне рассказали, кто-то крикнул из зала что-то оскорбительное в ваш адрес...

— Уже знаете... Я никогда в жизни ни одному журналисту не нахамила, хотя некоторым не то что под зад, а заехать бы так, чтобы мало не показалось! А есть такие ублюдки, не побоюсь этого слова, можете так и написать, что мешают и жить и чувствовать себя полноценным человеком. Хотя настолько я привыкла к хамству, что для меня вчерашний инцидент — тьфу, мимо! Я понимаю — безобидная, пикантная сплетня, да ради Бога. Но когда это касается моего реноме, а тем более если это национальный вопрос... Вот лет десять назад я бы билась в истерику, плакала от обиды. Я часто получала подобные заявления в резкой, грубой форме, когда еще была школьницей. Иногда я даже по неделям в школу не ходила, потому что не хотела видеть своих одноклассников, обзывавших меня «жидовской мордой»!

— И это — в Одессе?!

— Да, я училась в такой школе. Бандитский район. Учеников моей национальности

там было немного. Переживала, ранимый ребенок. Я и сейчас ранимый человек, но за годы борьбы за свое место на эстраде у меня сложился железный характер.

— Какой самый бредовый слух о себе вы слышали?

— Что я выхожу замуж за Сережу Пенкина. Оказывается, он за мной давно увивается, а я раздумываю, но скорее всего дам положительный ответ. Забавно, тем более зная привязанности Сережи. Но дружим мы с ним много лет, он легкий, замечательный.

— Многие «звезды» числят вас среди своих друзей. Как протекает эта дружба, люди-то все занятые?

— Это происходит в самые тяжелые, трудные моменты. Я человек контактный и в любой компании нахожу свое место, надо молчать — я молчу, можно поговорить — разговариваю.

С покойным Володей Мигулей я никогда не была тесно связана ни творчеством, ни дружбой. А когда он смертельно заболел, как-то так получилось, что в последние дни я была рядом. На его юбилейном вечере я второй раз в жизни спела Володину песню. А теперь помогла организовать панихиду, похороны, собрала деньги, чтобы отдать их Марине. Она осталась с двумя детьми. Сейчас мы стали близкими людьми, она — замечательная женщина.

— Вы охотно даете в долг?

— У нас, артистов, то густо, то пусто и часто кого-то нужно выручить деньгами. Я никогда не отказываю, хотя знают — я не самая богатая. Хотя и мне помогают. Валера Леонтьев, например, когда несколько лет назад я нуждалась в деньгах.

— Что вы делаете во время «творческих простоев»?

— Читаю. Очень много читаю. И каждый день сорок пять минут обязательно тренируюсь. Вот сейчас я с вами отговорю и поеду тренироваться.

— А когда настроения нет?

— Я его и повышаю в спортзале.

— Кто главный в вашей семье?

— Скорее всего, я. Хотя стараюсь этого не показывать. Мой муж — уверенный в себе человек, рассудочный, если меня захлестывают эмоции, то у него холодная голова. Но последнее слово всегда за мной.

— Вы можете сказать о себе, как Пугачева, — «и живу я теперь красивой, несвободная, но счастливая»?

— Нет, сейчас все спокойно, уравновешенно. У нас с мужем настолько сложившиеся отношения, мы уже десять лет вместе, что привязались друг к другу. Мы работаем в одном деле, ни продюсера, ни администратора у меня нет. Муж взвалил на свои плечи всю административную работу.

— Он часто дарит вам цветы?

— Дарит. Раньше мог сказать: ненавижу я эти венчики! А теперь привозит иногда. Любимые цветы?! Белые розы.

Влад ВАСЮХИН